

DOI: 10.33184/dokbsu-2020.4.6

Падежная омонимия и проблема общего падежа в разноструктурных языках

Р. З. Мурясов

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: frgf.dekanat@mail.ru

Статья посвящена контрастивно-типологическому анализу одной из наиболее существенных для формирования структуры словосочетания и предложения категорий – категории падежа в индоевропейских и тюркских языках. В работе показана степень деморфологизации падежных форм и повышение роли аналитических структур с предлогами/послелогом.

Ключевые слова: деморфологизация падежных форм, контрастивно-типологический анализ.

Падежные формы являются морфологическим средством выражения связей существительного (шире: именных частей речи) с другими словами в словосочетании и предложении. Категория падежа характерна языкам, в которых доминируют синтетические признаки именных частей речи (существительных, прилагательных, местоимений и отчасти числительных). Основным носителем категории падежа является имя существительное. Одноименная категория прилагательных, порядковых числительных и доминирующей части местоимений в морфологическом отношении зависима от форм существительного, ср. в лат. *bonus discipulus* – *boni discipuli* – *bono discipulo* – *bonum discipulum* – *bono discipulo* – *bone discipule*, русск. хороший ученик – хорошего ученика – хорошему ученику и т.п., нем. *der gute Schüler* – *des guten Schülers* – *dem guten Schüler* и т.п.

В английском языке представлена минимальная оппозиция падежных форм: посессивный падеж (*possessive case*): общий падеж (*common case*). Посессивный падеж (падеж принадлежности) в некоторых исследованиях называется также *genitive case* [1, с. 481]. При этом другим частям речи именной группы категории падежа и числа чужды: *a good friend* (хороший друг) – *good friends books* (книги хорошего друга) – *good friends* (хорошие друзья).

Даже в языках с флективными признаками не все падежные формы образуют последовательные морфологические (словоизменительные) оппозиции. Степень морфологи-

ческой противопоставленности падежей в и.-е. языках в значительной степени зависит от признака родовой принадлежности существительного и типа склонения. Так, в немецком языке основная масса существительных женского рода обнаруживает полную омонимию всех четырех падежей: *die / der / der / die Frau* в ед.ч. и *die / der / den / die Frauen* во мн. ч. Различение падежей обеспечивается благодаря формам артиклей или других детерминативов существительных. По-видимому, именно это обстоятельство послужило в некоторых исследованиях поводом для рассмотрения существительных с артиклем как аналитическую форму [2] по аналогии с аналитическими формами глагола, состоящими из комбинации вспомогательного и смыслового глаголов, ср. нем. *machen – machte – habe gemacht – hatte gemacht – werde machen* и т.п.

Падежная омонимия имеет лингвоспецифические особенности. Так, в русском языке она обусловлена не только родовым показателем существительного, а и финалью основы: существительные женского рода с исходом на мягкий согласный звук имеют омонимичные формы именительного и винительного падежей, с одной стороны, а существительным женского рода с исходом на *-а* омонимия свойственна в дательном и предложном падежах (*стена – стене – стене*).

Падежная омонимия была характерна также для существительных в классических языках, ср. лат. *silva (nom.) – silvae (gen.) – silvae (dat.) – silvā (abl.)* в ед. ч. и *silvis (dat.) – silvis (abl.)* во мн. ч.

Акцентологическое ослабление флексий в германских языках имеет разные последствия для разных языков. В общегерманском представлена семичленная падежная система – *Nominativ – Genitiv – Dativ – Akkusativ – Vokativ – Instrumentalis – Lokativ* [4, с. 477], которая впоследствии трансформировалась в четырехчленную систему в немецком и двучленную – в английском языке. В немецком языке указательное местоимение (*ther, theser*) превратилось в артикль, морфологическая функция которого заключается в выражении категорий падежа и числа. В английском языке постепенное исчезновение падежей приводит к усилению роли предлогов в выражении синтаксических отношений между словами в предложении. Та же участь постигла категорию падежа во французском языке, в котором данная категория в современных грамматических исследованиях вообще не упоминается. Уже в древнефранцузском языке, восходящем в историческом плане к латинскому, 6 падежных форм последнего сведены к оппозиции «субъектный падеж : объектный падеж». “*Des six cas latin, l’ancien français n’en conserve que deux: cas sujet et cas régime*” [5, с. 304].

Исчезновение падежей или их количественная редукция сопровождается повышением грамматического (синтаксического) ранга предлогов. Однако не во всех и.-е. языках усиление роли предлогов предполагает ослабление падежных форм. Так, в русском языке в равной мере активно используются как богатая система падежных форм, так и

не менее богатый арсенал предлогов. Более того, предлоги и падежные формы, например, в русском и немецком языках, как правило, образуют «солидарные» структуры, т.е. предлоги классифицируются по характеру управления теми или иными падежными формами. Данное положение распространяется также на тюркские (башкирский, татарский) языки [6–8].

Сравнительно-сопоставительный анализ системы падежных форм в русском и немецком языках свидетельствует о сравнительно богатой падежной парадигматике в русском и несравненно бедном наборе падежных флексий существительных в немецком языке. По данным авторов Русской грамматики падежная система русского языка обладает пятнадцатью различными флексиями [3, с. 475], в то время как немецкая падежная система имеет всего четыре флексии [9–11].

Тенденция к деморфологизации падежных форм в немецком языке особенно сильна в склонении существительных во мн. числе – для всех типов склонений имеется только одна падежная флексия: форма датива во мн. ч. *-(e)n*: *die Frau – den Frauen, der Freund – den Freunden, das Jahr – den Jahren, der Mensch – den Menschen*.

Среди анализируемых нами языков существительные в русском языке сохраняют богатую падежную парадигматику. Однако в нем также заметна тенденция к омонимии падежных форм, что, по выражению акад. В. В. Виноградова, обуславливает «семантическое обеднение окончаний падежа» [12, с. 147]. Далее акад. В. В. Виноградов по этому поводу пишет: «В современном русском языке, еще не достигшем аналитизма таких языков, как французский, падежная форма переобременена значениями. Обостряется разрыв между бедностью внешних форм падежной системы и разнообразием включенных в нее грамматических функций» [12, с. 144].

Проблема общего падежа и тенденция к омонимии падежных форм оказываются явлениями взаимосвязанными. Проблема общего падежа в немецкой грамматической традиции впервые была затронута в исследованиях О. Эрдманна, О. Мензинга и Л. Зюттерлина [13–15], которые обратили внимание на отсутствие падежных форм существительных в определенных сочетаниях. Ассоциация с английским общим падежом (*common case*) возникает в тех языковых структурах, в которых существительное употребляется без артикля. В немецком языке выделяются целые классы существительных, употребляющихся в определенных дистрибуциях без артикля и вследствие этого в морфологическом отношении невозможно определить их падеж. К таким рядам существительных относятся прежде всего имена собственные, ср. нем. *Er ist in Gerda verliebt. Er befindet sich zur Zeit in Berlin*. В русском языке те же существительные в идентичных дистрибуциях наделены падежными формами, ср. Он влюблен в Герду. В настоящее время он находится в Берлине. В тюркских языках имена собственные также обладают падежными формами, ср. тат. Ул Гердага (направительный падеж) гашыйк. «Әлегә ул Берлинда (местно-временной падеж).

Особенно рельефно представлена в немецком языке тенденция к деморфологизации падежей при существительных меры и веса: *Ich habe zwei Kilo Zucker gekauft* «Я купил два килограмма сахара». *Die Sitzung dauerte bis acht Uhr* «Заседание продолжалось до восьми часов» и т.д.

В немецком языке широко распространены субстантивные парные словосочетания, компоненты которых в выражении падежных отношений деморфологизованы, ср. *Hand in Hand* «рука об руку», *Schritt für Schritt* «шаг за шагом», *Schulter an Schulter* «плечом к плечу» и т.п.

К периферии, а, возможно, даже за пределами категории падежа следует рассматривать формы существительных в обращениях, т.е. в вокативной функции и в составе так называемых экзистенциальных предложений. В первом случае отнесение формы обращения к функции номинатива противоречит самому определению категории падежа, выражающей отношения между словами.

Поскольку обращения не выражают отношения к другим словам в предложении, они должны быть выделены в особый разряд коммуникативных единиц, относящихся к высказыванию в целом. Не случайно авторы грамматики Дудена называют их эквивалентами предложений (*Satzäquivalente*) [9, с. 817]. К периферии падежной системы следует также отнести употребление исходной формы существительных в экзистенциальных предложениях, ср.:

русск. ...Морозный день. Конец декабря. Гремячий лог. Курени, сараи, плетни, деревья в белой опуши инея. За дальним бугром бой. [16].

тат. ...Декабрь азаклары. Салкын бер көн. Гремячий лог хуторы. Йортларны, каралты һәм читәннәрне, агачларны ап-ак бәс баскан. Ерактагы кышлак артында сугыш бара [17].

нем. ...Ein frostiger Tag. Ende Dezember. Gremjatschi Log. Häuser, Scheunen, Zäune, Bäume, alles mit flaumigem Reif verbrämt. Hinter den fernen Hügeln ist ein Gefecht im Gange [18].

фр. ...Un jour de gel. Fin décembre. Grémiachi-Log. Les maisons, les hangars, les enclos, les arbres sont diamantes de givre. On se bat au loin, derrière hauteur des canous [19].

англ. ...A frosty day. The end of December. Gremyachy Log. Houses, bams, fences, trees rimed with frost. Fighting beyond a distant hill [20].

Иная конфигурация падежной системы представлена в тюркских языках. Шестичленная падежная парадигматика в башкирском и татарском языках в типологическом плане состоит из двух групп: 1. падежные формы, терминологически соотносительные с таковыми в и.-е. языках и 2. лингвоспецифические формы, которые не имеют подобные терминологические корреляты. В Татарской грамматике, с одной стороны, выделены притяжательный и винительный падежи и основной, направительный, исход-

ный, местно-временной падежи, с другой [21, с. 44]. Несколько иные термины предлагают Н. К. Дмитриев в башкирском языке: неопределенный (төп килеш), родительный (эйәлек килеш), дательный (төбәү килеш), винительный (төшөм килеш), местный (урын-вакыт килеш), исходный (сығанак килеш)» [22, с. 61]. Авторы ГСБЛЯ предлагают следующую систему падежей: основной, родительный, дательный, винительный, исходный и местно-временной [22].

Особого внимания заслуживает падеж, который в разных грамматиках башкирского языка получает разные названия: неопределенный [22], основной [23] и т.д. Данный падеж во многих отношениях напоминает общий падеж английского языка. Название «неопределенный падеж» обусловлено тремя причинами: во-первых, отсутствием специального морфологического маркера; во-вторых, в функциональном отношении не противопоставлена другим падежам, а дублирует их функции; в-третьих, данный падеж входит в состав оппозиции «определенность : неопределенность» в качестве выражителя неопределенности в отличие от винительного падежа, выражающего определенность, ср. китапты «книгу» (определенную в данной ситуации) и китап «книгу» (какую-нибудь). Основной падеж употребляется в сочетании с послелогом, как и общий падеж в английском языке.

Таким образом, по степени деморфологизации падежей и тенденции к аналитизации синтаксических отношений выстраивается следующий ряд языков: французский (с нулевой падежной парадигмой) – английский (с минимальной падежной оппозицией (притяжательный падеж – общий падеж, при этом генитивная форма успешно вытесняется предложной конструкцией с *of*) – немецкий язык (с большим удельным весом омонимичных падежных форм) – русский язык (с минимальной омонимией падежных форм).

Проблема общего падежа в немецком языке в отечественной германистике во второй половине 20 в. была «реанимирована» В. Г. Адмони [24].

Специфика тюркских (башкирского и татарского) языков состоит в том, что все падежи, кроме основного (именительного), морфологически маркированы. Тенденция к развитию общего падежа на основе именительного выражена в функциональном плане.

Литература

1. The Linguistics. Encyclopedia. London and New York, 1996.
2. Moskalskaja O. J. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. M., 1983.
3. Русская грамматика. Т. II. М.: Изд-во «Наука», 1980.
4. Behaghel O. Deutsche Syntax. Eine geschichtliche Darstellung. Bd. I. Heidelberg, 1923.
5. Le nouveau Petit Robert. Paris, 1994.
6. Газизов Р. А., Мурясов Р. З. Система предлогов в контрастивно-типологическом аспекте // Вестник БашГУ. Научный журнал. 2017, №2, т. 22.

7. Мурясов Р. З., Савельева Л. А. Периферийная зона системы частей речи (контрастивно-типологическое исследование). Монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2019.
8. Muryasov Rakhim Z. On the periphery of the parts of speech system // Xlinguae. European Scientific Language Journal. Volume 12. Issue 4. Oktober 2019.
9. Duden. Bd. 4. Die Grammatik. Duden-Verlag. Mannheim-Wien-Zürich-New York, 2005.
10. Hellbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Langenscheidt. Verlag Enzyklopädie. Leipzig. Berlin. München. Wien. Zürich. New York, 1996.
11. Glinz H. Grammatiken im Vergleich. Max Niemeyer Verlag. Tübingen, 1994.
12. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Изд-во «Русский язык», 2001.
13. Erdmann O., Mensing O. Grundzüge der deutschen Syntax und ihrer geschichtlichen Entwicklung. Stuttgart, 1886–1998. Abt. I-II.
14. Sütterlin L. Die deutsche Sprache der Gegenwart. 3. Leipzig, 1910.
15. Sütterlin L. Neuhochdeutsche Grammatik. München, 1924.
16. Шолохов М. А. Поднятая целина. М., 1976.
17. Шолохов М. А. Күтәрелгән чирәм. Перевод с русского. Казан, 1966.
18. Scholochow M. Neuland untern Pflug. Перевод с русского. Leipzig, 1977.
19. Cholochoy M. Terres réfrichées. Перевод с русского. Moscow, 1937.
20. Sholokhov M. Virgin soil upturned. Перевод с русского. М., 1979.
21. Татарская грамматика. Т. II. Казань, 1997.
22. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1947.
23. ГСБЛЯ – Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981.
24. Admoni W. Der deutsche Sprachbau. М.-Л., 1983.

Статья Р. З. Мурясова рекомендована к печати проф. кафедры немецкой и французской филологии Газизовым Р. А.

The case homonymie and the problem of common case in multistructural languages

R. Z. Muryasov

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: frgf.dekanat@mail.ru

The article is devoted to the contrastive-typological analysis of the category of case in Indo-European and Turkic languages as one of the most essential categories for the formation of word combination and sentence structure. The article shows the degree of demorphologisation of case forms and the increasing role of analytical structures with prepositions/postpositions.

Keywords: demorphologisation of case forms, the contrastive-typological analysis.